

УДК 37.013.43+94(436+470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/6

Русинская тематика в работах Е.Н. Водовозовой

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Елизавета Николаевна Водовозова (девичья фамилия – Цевловская, по второму мужу – Семевская) (5(17).08.1844–23.03.1923) – русская детская писательница, мемуарист, один из виднейших педагогов своего времени. Окончила Смольный институт. В конце 1860-х гг. вместе с мужем В.И. Водовозовым знакомилась с методикой воспитания и обучения детей в общественных учреждениях и семейным воспитанием Бельгии, Германии, Англии, Швейцарии и Франции. Её публицистическая деятельность началась со статьи «Что мешает женщине быть самостоятельной? (по поводу романа г. Чернышевского «Что делать?»), которая вышла под псевдонимом в журнале «Библиотека для чтения» в сентябре 1863 г. Е.Н. Водовозова была автором самой популярной дореволюционной книги для родителей «Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста», переизданной до революции семь раз (СПб., 1871; СПб., 1913. 7-е изд.). В ней она предлагала сделать основой дошкольного воспитания народные песни, игры, сказки. В качестве пособия для воспитания по такой программе издала книгу «Одноголосные детские песни и подвижные игры. С народными русскими мелодиями» (СПб., 1871). В 1871–1872 гг. вышла книга её рассказов для детей «Из русской жизни и природы», тоже выдержавшая несколько изданий. Также в 1870-е г. Е.Н. Водовозова публиковалась в педагогических изданиях «Детское чтение», «Народная школа», «Голос учителя». Свою жизнь и воспоминания об К.Д. Ушинском, В.И. Водовозове, В.И. Семевском и др. Елизавета Николаевна описала в мемуарах. Её автобиографическая повесть «На заре жизни» (СПб., 1911) неоднократно переиздавалась. Для детей повесть переработана, сокращена и выпущена под названием «История одного детства». Она тоже неоднократно издавалась и в советский, и в постсоветский период. Педагогические труды Е.Н. Водовозовой также востребованы и выпускаются

в наше время. Главной своей научной работой, служащей для популяризации этнографических знаний среди молодёжи, она считала трёхтомник «Жизнь европейских народов» (СПб., 1875–1883), которые тоже неоднократно переиздавался. Переработав и сократив данную работу, она сама выпустила для популяризации знаний 10 книжек по недорогой цене под общим названием «Как люди на белом свете живут» (СПб., 1894–1901. Т. 1–10). Иллюстрации в книгах было выполнены В.М. Васнецовым и другими известными художниками. В третьем томе «Жизнь европейских народов», посвящённом жителям средней Европы, она рассказала об истории русинов Галицкой Руси, их национальном возрождении, современном положении, народном и литературном языке, религии, традиционной материальной и духовной культуре. В девятой книге «Как люди на белом свете живут» тоже даётся описание галицких русинов, их истории, религии, образования, организаций, народной культуры. Автор пыталась разобраться в причинах тяжёлого материального положения крестьян-русинов.

Ключевые слова: Елизавета Николаевна Водовозова, педагогика, дошкольное и начальное образование, межкультурное образование, этнография, русины, Галичина, Галицкая Русь

The Rusin theme in the works by Elizaveta Vodovozova

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Elizaveta Nikolaevna Vodovozova (nee Tsevlvovskaya, second marriage surname – Semevskaya; born August 5(17), 1844; died March 23, 1923), a graduate of Smolny Institute, was a Russian children's writer, memoirist, and a most prominent researcher and educator of her time. In the late 1860s, together with her husband Vasily Vodovozov, she went to Europe to learn the methods of family education and raising children in public institutions. Her journalistic debut "What Stops a Woman from Becoming Independent?" was a response to Nikolay Chernyshevsky's novel *What Is To Be Done?* The essay was published under a pseudonym in the magazine *Biblioteka Dlya Chteniya* in September 1863. Vodovozova authored the most popular pre-revolutionary book for parents *Men-*

tal and Moral Education of Children from the First Manifestation of Consciousness to School Age (St. Petersburg, 1871), which was re-issued seven times in pre-1917 Russia (7th ed. St. Petersburg, 1913). In this book, Vodovozova proposed to base preschool education on folk songs, games, and fairy tales. She supplemented her educational program with the manual *Russian Folk Songs for One Voice and Active Games for Children* (St. Petersburg, 1871). In the 1870s, Vodovozova actively published in the pedagogical journals *Detskoe Chtenie*, *Narodnaya Shkola*, and *Golos Uchitelya*. In 1880, she published a collection of children's stories *For Leisure*. In her memoirs, Vodovozova described the life and works of Konstantin Ushinsky, Vasily Vodovozov, Vasily Semevsky and other educators. Her autobiographical novel *At the Dawn of Life* (St. Petersburg, 1911), like other memoirs, had several reissues. Later, the novel was adopted for children and published as *The Story of a Childhood* to be actively published in pre-revolutionary and Soviet Russia. According to Vodovozova, her magnum opus aimed at disseminating ethnographic knowledge among young people was the three-volume *The Life of the Peoples of Europe. Narratives in Geography* (St. Petersburg, 1875–1883). Having revised and abridged this work, she published it as a ten-volume low-price series *How People of Different Nations Live* (St. Petersburg, 1894–1901), illustrated by Viktor Vasnetsov and other famous artists. In the third volume “The Life of European Nations”, she told about the history of the Rusins of Galician Rus, the national revival, the current situation, the folk and literary language, religion, traditional material and spiritual culture. The ninth volume “How people live in the world” also describes the Galician Rusins, their history, religion, education, organizations, and folk culture. The writer tried to understand the reasons for the difficult material situation of the Rusin peasants.

Keywords: Elizaveta Vodovozova, pedagogy, preschool and primary education, intercultural education, ethnography, Rusins, Galicia, Galician Rus

Елизавета Николаевна Водовозова (урождённая Цевловская (по первому мужу – Водовозова, по второму мужу – Семевская)) родилась 5 (17) августа 1844 г. в г. Поречье Смоленской губернии (с 1918 г. – г. Демидов) в обедневшей дворянской семье. Её мать Александра Степановна, урождённая Гонецкая, в 1828 г., закончив в 16 лет курс в петербургском Екатерининском институте, возвращаясь с отцом домой, встретила 37-летнего Николая Григорьевича Цевловского, чьё имение в Погорелом находилось недалеко от их поместья. В этом же году она вышла за него замуж [13: 1, 12, 25].

Её отец, 1790 г.р., в 14 лет, после смерти матери поступил юнкером в Санкт-Петербургский уланский полк, через несколько лет стал офицером и прослужил 24 года. Он любил читать и тратил много денег «на покупку лучших произведений польской, французской и русской литературы». Как вспоминала Е.Н. Водовозова, «его рас-

суждения и заметки, которые мне удалось прочесть на русском и французском языках (большая их часть была набросана на польском языке, которого я не знала), вполне убедили меня в том, что он не только усвоил лучшие идеи французских энциклопедистов XVIII и писателей XIX вв., вроде Мицкевича (который, судя по восторженным отзывам отца, оказывался его любимым поэтом), но что он был страстным поклонником гуманных идей, и по своему образованию стоял целою головою выше того общества, среди которого вращался» [13: 27]. Её отцу довелось участвовать во многих сражениях. В 15-летнем возрасте он принял участие в битве под Аустерлицем, с 1809 по 1811 г. участвовал в Русско-турецкой войне, в 1812 г. его полк преследовал отступающие французские войска, участвовал в битве при Лейпциге, в 1814 г. вступил в Париж, после возвращения Наполеона в 1815 г. полк снова с русской армией возвратился в Париж. По пути он побывал в Варшаве, в которой в то время были объявлены основы польской конституции и затем подписана Конституция Царства Польского. После выхода в отставку он около двух лет жил в Варшаве. Походы 1813–1815 гг., знакомство с Францией, жизнь в Варшаве, где он, зная польский и французский языки, «был принят в средние кружки польского общества», оказали большое влияние на его мировоззрение [13: 28].

Сильное влияние на него оказал варшавский театр, который тогда «был лучше обставлен и поставлен, чем русский столичный театр», и являлся «в то время для поляков не только любимым развлечением, но и искусством, имеющим громадное образовательное значение, одним из наиболее полезных средств для их служения страстно любимой отчизне». Впоследствии, уже будучи женатым и имея большую семью, отец Е.Н. Водовозовой, несмотря на «скромные материальные средства, устроил собственный театр» из 11 крепостных. Он считал, что театр – «первейшее средство для воспитания в молодёжи благородных чувств» [13: 29].

Николай Цевловский тратил много «сил душевных и материальных» на театральные постановки, куда съезжалось много гостей, большинство из которых вместе со своей прислугой оставались гостить несколько дней. Впоследствии, отметила Е.Н. Водовозова, его беспечность и желание жить на широкую ногу стали «причиною полного разорения моей семьи» [13: 28–30].

После брака её родители несколько лет прожили в собственном имении. В 1847 г., чтобы поправить свое материальное положение, отец стал уездным судьёй, и они переселились в «жалкий уездный городишко» Поречье, в котором, как он думал, семье будет лучше в культурном отношении. В Поречье отец купил большой деревянный

дом с хорошим садом и пристройками, приезжая в деревню только летом [13: 33–34].

Мать писательницы прожила с отцом 20 лет (1828–1848 гг.) и «имела, по её собственному счёту, 16 детей», не считая 3 выкидышей и мёртворожденных. Перед вспышкой холеры их оставалось 12. Елизавета стала самым младшим ребёнком [13: 34]. Её отец умер от холеры в 1848 г. [13: 44]. Также холерой заболели и вскоре умерли две её старшие сестры 18 и 19 лет, затем в течение трёх недель ещё четыре ребёнка. Позже умерла её 7-летняя сестра Нина, которая к тому же получила сильные ожоги. Заболела и сама Елизавета [13: 46, 49]. Её мать, думая, что Елизавета умирает, произнесла: «...девятый покойник! Девятый покойник! Что же... Пусть умирает! И оставшихся нечем кормить!» Обида на мать оставалась у неё все детство. Позже она поняла, что её мать, испытывая нужду, отдавала последние деньги на лечение и во время её болезни к ней постоянно приходил доктор [13: 50–51].

Семья, лишившись кормильца и имея долги, переехала в оставшееся в их собственности Погорелое (усадыба с 700 десятинами земли и приблизительно 70–80 крестьянами). Чтобы покрыть часть долгов, отец ранее продал часть земли, леса и несколько десятков крестьян [13: 45, 60].

В семье осталось пятеро детей: Андрей (14 лет), Ана (13 лет), Александра (12 лет), Захар (9 лет) и самая младшая – Елизавета [13: 56].

В деревне она прожила с 1848 по 1855 г. Как отмечала Елизавета в своих воспоминаниях, «семья наша резко выделялась среди помещичьих семейств нашей местности, как своим большим умственным и нравственным развитием, так и гуманным отношением к крепостным и окружающим, к близким и дальним». Жизнь в деревне отличалась от жизни на широкую ногу в городе: «В период нашего полного обнищания никто из детей никогда не подумал попросить у матушки купить чего-либо сладкого. Матушка так экономничала при покупке даже самого необходимого, что подобная просьба с нашей стороны могла бы возбудить в ней лишь бурное негодование, но “сладкие воспоминания” о прошлом не давали нам покоя. Вечером “сумерничали”, т. е. не зажигали огня, пока не наступала полная темнота» [13: 65]. Позже своё детство Е.Н. Водовозова назвала «злосчастливым» [31: 455].

Благодаря ходатайству дяди, генерала И.С. Гонецкого, она была зачислена за казенный счёт в Смольный институт¹ [13: 266; 32: 71]. В 1859 г. инспектором классов в Смольном институте был назначен К.Д. Ушинский, «вместе с ним хлынула и волна новых идей, которые стали подтачивать допотопные институтские устои, даже изменять институтские нравы и обычаи». Среди новых учителей, привлечённых

им, был и преподаватель литературы В.И. Водовозов (1825–1886). Новые учителя «оказались на высоте своего положения», «вместо отрывочных знаний, сухо изложенных отвлеченным или высокопарным слогом, получился живой систематический курс». Ушинский рекомендовал конспектировать лекции. Как вспоминала Е.Н. Водовозова, «составляя лекцию того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитанным из указанных им книг» [13: 356, 398].

В 1862 г. будущая писательница окончила Смольный институт и через несколько месяцев стала женой В.И. Водовозова [31: 455]. Обвенчалась она с ним примерно в апреле 1862 г., а невестой его стала, ещё будучи воспитанницей Смольного института [1: 6].

В начале лета 1862 г., после поездки Елизаветы в имение матери, супруги совершили путешествие по Европе, побывав в Бельгии, Германии, Англии, Швейцарии и Франции. Они изучали методику работы в детских садах, предложенную теоретиком дошкольного воспитания Ф. Фрёбелем. Елизавета была увлечена идеями немецкого педагога и вопросами дошкольного воспитания детей [1: 6; 28].

Дом В.И. Водовозова, в котором проводились литературные «вторники» (журфиксы (определённый день недели, предназначенный для регулярного приёма гостей), по воспоминаниям – «фиксы»), стал «центром, вокруг которого в течение многих десятилетий объединялась петербургская интеллигенция, главным образом народнического направления» [29: 149]. Сам Водовозов примыкал к легальным марксистам [1: 8].

Среди частых посетителей дома были и люди, связанные с революционной деятельностью. Традиции эти продолжились и после смерти её первого мужа, и второго мужа. Как вспоминал историк, социолог Н.И. Кареев, когда Елизавета Николаевна второй раз овдовела, к ней часто по воскресеньям приходил обедать известный революционер-подпольщик Г.А. Лопатин. Он же упомянул, что в эпоху реакции и идейного разброда 80-х гг. «водовозовские журфиксы были популярны в передовых кругах интеллигенции. Общий тон этих вечеров был оппозиционный, и на них хорошо отдыхалось от впечатлений от царившей тогда реакции». Её сыновья Василий (1864–1933) и Николай (1870–1896) стали оппозиционными публицистами, близкими к революционному движению, и «подвергались преследованиям за неблагонадёжность» [27: 180–181]. Старший сын Михаил умер в 1879 г. в шестнадцатилетнем возрасте от туберкулеза [1: 8].

В 19 лет Елизавета под влиянием романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» написала свою первую статью «Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа г. Чернышевского “Что

делать?»)» под псевдонимом Е. Ц-ская (Библиотека для чтения. 1863. № 9). Материал посвящён самостоятельности женщины и начинается словами из романа: «Конечно, не одна женщина, читавшая роман г. Чернышевского “Что делать?” остановилась на словах: “только тот мужчина любит женщину, который помогает ей быть самостоятельной»» [25: 1]. Автор считала, что, желая быть независимой, женщина «у нас волею и неволею должна принять одну из двух обязанностей: наставницы или матери». Автор критически подошла к системе образования: «...наше женское образование специально имеет в виду эти две цели и не достигает ни одной из них», «школа часто совсем отчуждает от всего, с чем женщина неизбежно встречается в жизни». «Обязанность наставницы самая трудная», считала Е.Н. Водовозова, и «обыкновенно девушка приступает к ней без всякой опытности». К сожалению, школы и общество не открывают ей других путей к деятельности, «чтобы первую её заботой не было обеспечить себя замужеством» [25: 19].

В 60-х гг. XIX в. Е.Н. Водовозова публиковала статьи по вопросам педагогики в журналах «Учитель», «Книжный вестник», в газетах «Голос» (где были опубликованы и ее очерки о Смольном институте), «Санкт-Петербургские ведомости» и др.

Результатом изучения системы Ф. Фрёбеля стала её книга «Умственное развитие детей от первого появления сознания до восьмилетнего возраста» (1871). В последующих переизданиях книга стала называться «Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста». В первом издании она описала достоинства и недостатки фрёбелевской системы, этапы воспитания ребёнка, предложила сделать основой дошкольного воспитания народные песни, игры, сказки. В последующих переизданиях она добавила историю воспитания с XVI по XIX в. [3; 4]. В качестве практического пособия она издала книгу «Одноголосые детские песни и подвижные игры с русскими народными мелодиями» (1876) [5].

«Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста» стал одним из самых популярных и значительных руководств по дошкольной педагогике. С 1871 по 1913 г. книга выдержала семь изданий. Е.Н. Водовозова постоянно её перерабатывала и дополняла, используя новые педагогические идеи и наработки [33: 26]. В 1915 г. вышло 7-е издание «Одноголосые детские песни и подвижные игры с русскими народными мелодиями».

Также она выпустила ряд книг для детей: рассказы для детей, собранные в двух книгах «Из русской жизни и природы» (1871–1872. Ч. 1, 2; в 1905 г. вышло 8-е издание), «Батрачка. Рассказ из народного быта» (1871; псевд. И. Бельский), «На отдых» (1880). В них она объяс-

няла юным читателям необходимость постоянно трудиться, прививала детям любовь к растительному и животному миру [28; 31: 455].

Для популяризации этнографических знаний среди населения она издала трёхтомную работу «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (Т. 1: Жители Юга (1875); Т. 2: Жители Севера (1878); Т. 3: Жители Средней Европы (1883)) [6; 8; 29: 148–149]. В ней рассказывалось об истории, государственном устройстве, жизни, жилищах, обрядах, обычаях, занятиях, религии, «увеселениях», образовании, экономическом и политическом положении европейских народов. Издания были богато иллюстрированы рисунками В.М. Васнецова, И.С. Панова, К.И. Голембиовского, К.О. Брожа и других художников и «гравюрами из дерева».

На основе данного труда Е.Н. Водовозова написала и сама выпустила 10 книжек по дешёвой цене для простого народа «Как люди на белом свете живут» (СПб., 1894–1901. Т. 1–10). Её издания выходили довольно большими тиражами, что говорит о их популярности. Они постоянно исправлялись дорабатывались. К примеру, 5-е издание, исправленное и дополненное, «Жизни европейских народов. Жители Юга» (т. 1) вышло в 1897 г. тиражом 5 000 экз. по цене 3,75 руб. [7]. В 1905 г. вышло 3-е издание исправленное издание «Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 10 карт. худож. В.М. Васнецова и др.» [11], а в 1914 г. – 4-е переработанное издание [12].

Когда Е.Н. Водовозова подготовила книгу «Жизнь европейских народов», то захотела её сама издать. В то время она сильно нуждалась в средствах. Её муж В.И. Водовозов «за крамольный образ мыслей тогда уже оставался не у дел и был лишён всякой возможности работать на педагогическом поприще». Водовозова обратилась за бумагой к известному фабриканту Варгунину, тот открыл кредит. Книга вышла и имела успех. В дальнейшем она сама стала издавать свои труды «кустарным способом, имея у себя на дому книжный склад». Если бы она распространяла свои книги не по старинке, то стала бы вполне обеспеченным человеком [29: 148–149].

Е.Н. Водовозова, по словам современников, обладала феноменальной работоспособностью: «...часто переиздавая свои книги, она постоянно их пополняла, исправляла, переделывала в отдельных частях, или перерабатывала наново. Работала Е.Н. неотрывно во всякое время дня и вечера. Работала бы и ночью, да В.И. бурно восставал против её ночных занятий». Если она была здорова, её «неизменно заставляли за письменным столом за работой» [29: 154–155].

После смерти В.И. Водовозова в 1886 г., по воспоминаниям писательницы В.Н. Цеховской (урожденной Меньшиковой, литератур-

ный псевдоним – Ольнем), «жизнь Е.Н. покати́лась с горы, пошла на убыль. Собственно жизнь была завершена, началось доживание» [29: 159]. В 1888 г. она вышла замуж за ученика и друга своего первого мужа, русского историка либерально-народнического направления В.И. Семевского (1848–1916) [31: 455].

6 апреля 1899 г. Елизавета Николаевна стала действительным членом «Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» [35: 15].

Она написала много работ мемуарного характера: «К.Д. Ушинский и В.И. Водовозов. Из воспоминаний институтки» (Русское слово, 1887; под псевдонимом Н. Титова), «Дореформенный институт и преобразования К.Д. Ушинского» (Русское богатство, 1908), «Среди петербургской молодёжи шестидесятых годов» (Современник, 1911), «В.А. Слепцов» (Голос минувшего, 1915), «В.И. Семевский» (Голос минувшего, 1917) и т. д. [1: 10; 28]. После смерти В.И. Семевского (1916 г.) она посвятила себя делу издания его научных трудов.

Под влиянием В.И. Семевского она стала писать воспоминания «На заре жизни», охватывающие её жизнь до окончания института, посвятив их «мужу – товарищу и другу». В 1911 г. вышли ее мемуары [30: 179]. Критики отметили их историческую ценность и достоверность [1: 11]. В них описывались детство Елизаветы в деревне, помещичьи нравы, её отношение к крепостничеству, отрочество, юность в закрытом учебном заведении – Смольном институте благородных девиц и молодые годы, проведенные в среде демократической разночинной молодёжи Санкт-Петербурга начала 60-х гг. XIX в. [13]. Её повествование о себе и окружающей действительности заканчивается 60-ми годами, которые определили весь её дальнейший путь и деятельность.

По словам В.Н. Ольнем-Цеховской, «у неё была острая наблюдательность умного человека, не женское умение обобщать, большой интерес к людям. В её метких характеристиках умерших и живых, в её картинках прошлого и настоящего, в каждой приводимой ею, в качестве иллюстрации, сценке – сказывался присущий ей художественно-изобразительный талант, появившийся потом с такой яркостью в её воспоминаниях “На заре жизни”» [29: 150].

Продолжением их являются очерки «Среди петербургской молодёжи 60-х гг. Из личных переживаний» (Современник. 1911. № 3, 4, 6) и очерки «Из давно прошедшего» (Голос Минувшего. 1915. № 10) и «К свету» (Голос минувшего. 1916. № 4, 5–6, 7–8). Они вошли затем в книгу «Грезы и действительность» (1918). 1880–1890-м гг. посвящены очерки «Из недавнего прошлого» (Голос Минувшего. 1915. № 1, 2), в которых Елизавета Николаевна рассказывала о

той поре тяжелой реакции, которую переживало русское общество при Александре III [30: 179].

Незадолго до смерти она опубликовала в январском выпуске журнала «Голос минувшего» за 1923 г. последнюю главу своих воспоминаний «Житейские невзгоды» [19]. В следующем номере появился некролог [30].

В последние годы, прожитые ею уже при советской власти, Елизавета Николаевна переживала, что «не может наблюдать в широком объеме современную жизнь, о которой необходимо “всё-всё” записать» [29: 160].

Она страдала от крайней нужды, одиночества, болезней, в отчаянии доходила до мысли о самоубийстве, о чём писала в дневниковых записях, опубликованных в 1928 г. в № 6 «Голос минувшего на чужой стороне» [31: 456].

Осенью 1922 г. Е.Н. Водовозова, как было и раньше, заболела бронхитом. Бронхит затянулся, она ослабела, перестала вставать. Больной становилось то лучше, то хуже. В 20-х числах марта 1923 г. у неё начался оттек лёгких. 23 марта её не стало [29: 161].

Работы Е.Н. Водовозовой продолжали издаваться и после революции, что говорит об их актуальности.

В советские времена выходило три издания её мемуаров «На заре жизни»: в 1934 г. (в них вошли книга «На заре жизни» и отдельные мемуарные очерки, печатавшиеся преимущественно в журнале «Голос минувшего»), в 1964 г. (в него дополнительно включили очерк «Из давно прошедшего» и мемуарную повесть «К свету»), издание 1987 г. сохранило предыдущий состав [14: 490]. Последнее издание вышло тиражом 100 тыс. экз. В 2018 г. её «На заре жизни» были вновь переизданы [15].

Воспоминания писательницы о Смольном институте были популярны и неоднократно переиздавались, как и мемуары «смолянки» Г.И. Ржевской (1758–1826), выпускниц Петербургского Екатерининского института А.О. Россет, по мужу Смирновой (1809–1882), и Московского Елизаветинского института А.Н. Энгельгардт, урожденной Макаровой (1838–1903) [26: 8]. Часть II её мемуаров о пребывании в Смольном институте включалась в различные сборники или выходила отдельно (см., например, [16–18]).

Для детей мемуары были переработаны, сокращены и выпущены под названием «История одного детства». Они также неоднократно издавались как в советский период, начиная с 1941 г. (далее – в 1946, 1954 и 1963 гг.), так и в наше время (2010, 2017 гг.).

Продолжают переиздавать и её педагогические труды [21]. В 2012 г. вышло 8-е издание её работы «Умственное и нравственное

воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста» [4]. Как отмечают современные исследователи, «произведения Е.Н. Водовозовой отличались новизной подхода к раскрытию материала; она не ограничивалась только лишь передачей материала, но также давала методическое обоснование своего материала». Все учебные пособия пользовались широкой известностью у учителей, выходили большими тиражами, неоднократно переиздавались и сохраняют ценность в настоящее время. Е.Н. Водовозова стала одним из основоположников российского дошкольного и начального образования [32: 76]. Педагогические идеи Водовозовой о доверительных отношениях взрослых и детей актуальны и для современного воспитания детей и обеспечивают гармоничное развитие ребёнка [34: 53].

Педагогические и литературные работы Е.Н. Водовозовой освещены в многочисленных энциклопедических очерках и отдельных статьях (см., например, [1; 22–24; 28; 31–33]. О детстве, отрочестве, юности она написала в своих мемуарах, затронула и последние годы жизни [2; 13; 19; 20; 30: 179]. Фрагментарно о её дальнейшей жизни упомянуто в отдельных мемуарных очерках. О последнем периоде жизни писательницы есть краткие упоминания в некрологе в «Голосе минувшего» и опубликованных в нём же небольших материалах Н.И. Кареева и В.Н. Ольнем-Цеховской [27; 29; 30].

Одним из основных трудов Е.Н. Водовозовой считается трёхтомник «Жизнь европейских народов» и написанные на его основе 10 книжек для простого народа «Как люди на белом свете живут».

В первом томе «Жизнь европейских народов» Е.Н. Водовозова назвала целью своего труда «познакомить читающую публику с жизнью европейских народов», недостаток «такого рода книг чувствителен не только у нас, но и в западной литературе» [6: III]. Главной своей задачей она считала «дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейских народов, а не одних только привилегированных сословий или образованных классов, т. е. познакомить с понятиями народа, выражающимися в наиболее распространённых его обычаях, в самом складе его общественной и семейной жизни, со степенью развития в массах и с их экономическим положением» [6: V]. Работая над трёхтомником, автор пользовалась «книгами, находящимися в Публичной библиотеке, библиотеках Академии наук и университета, а также и некоторыми частными библиотеками», стараясь не вносить в прилагаемый в конце каждого тома список использованной литературы книги и статьи, которые показались ей малосодержательными или устаревшими» [6: V–VI].

Исследователь считала, что содержание третьего тома вызовет особое внимание у русского читателя: «...в нём он найдёт описание

жизни наших ближайших соседей – немцев, мадьяр и живущих в Германии и Австро-Венгрии славян» [8: IV]. Говоря о русинах, она написала, что «жизнь и нравы последних для нас тем более интересны, что те же малороссы (автор не учитывала этнокультурную специфику русинов. – С.С.), которые населяют Галицию и живут под австрийским господством, занимают огромную территорию в Южной России» [8: VI].

В предисловии к третьему изданию третьего тома Е.Н. Водовозова подчеркнула, что в нём «особенно сильно переработаны следующие отделы: Берлин, Эссен, Лейпциг, Сельское население Германии, Вена, Чехи, Галиция. Русины, а из очерков по Венгрии некоторые значительно дополнены, большинство же написано заново». Также в настоящем издании к прежним 26 рисункам добавлено 6 новых [9: III].

Как указала автор, «каждое новое издание моей книги подвергается полной переработке на основании многочисленных трудов, появляющихся в печати, как на русском, так и на иностранных языках, после выхода в свет предыдущего издания» [9: III]. При написании глав о русинах Е.Н. Водовозова использовала работы Г.И. Бидермана (двухтомник «Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte» (1862–1867), А.Д. Петерсона («Венгрия и её жители» (1873), Я.Ф. Головацкого («Карпатская Русь (историко-этнографический очерк)» (1875), «Карпатская Русь» (1875, 1877), «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (Ч. 1–3, 1878), «О народной одежде и убранстве русин или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии» (1877)), Г.И. Де-Воллана («Мадьяры и национальная борьба в Венгрии» (1877), «Угорская Русь. Исторический очерк» (1878)), Л. Василевского («Современная Галиция» (1900)) и другие труды (см.: [9: 563–565]).

Переходя к описанию Галиции, Е.Н. Водовозова напоминает, что «Галиция, или Галичина, – часть древней Малой Польши и Червонной Руси; из всех славянских земель страна эта самая ближайшая наша соседка. Ни одна область Австрийской империи не представляет такого сплошного славянского населения, как Галичина, в которой славяне составляют не менее 87 % всего населения; остальные 18 % – евреи, немцы, армяне и цыгане. Славянское население Галичины состоит из поляков и русин которые не что иное, как малороссы» [9: 349].

Поляков в Галиции насчитывалось не менее 3,5 млн чел, русинов – около 3 млн. Исследователь ещё раз подчеркнула, что «галицкие русины не что иное, как малороссы; таким образом хотя Галичина и принадлежит Австрии, но в ней, наряду с другими национальностями, живут и такие же, как мы, русские люди» [9: 352]. Галицких русинов, отметила автор, называют «русинами, а также русняками, рутенами и даже просто русскими». Русины проживают в восточной части

Галичины, они – униаты. Католики поляки живут в западной части края [9: 352–353].

Обратила внимание исследователь на то, что «всё галицкое просто-народье» (и поляки, и русины) «страшно бедствует, вечно борется с нуждой и тяжкими лишениями». Причинами она считала, во-первых густоту населения (на каждый квадратный километр (около версты) приходится 84 человека). Правда, как указывает сама автор, в Бельгии и Англии плотность населения ещё больше (197 и 114 чел. соответственно). Однако в этих странах более развита промышленность и значительная часть населения занята в ней. В Галиции же из 100 чел. – 75 «живут земледелием». Другой причиной была в том, что «земля в Галиции распределена крайне неравномерно: крупные поместья составляют немногим менее половины всей земли». Крестьяне же владеют небольшими клочками земли: более 200 тыс. крестьянских хозяйств имеют не более полудесятины (десятина – 1,09 га) земли, а 130 тыс. – от 1 $\frac{1}{4}$ до 1 $\frac{1}{2}$. «На таких ничтожных наделах нельзя завести хозяйство, которое прокормило бы крестьянина даже с небольшой семьёй». Кроме того, насчитывается более 1,5 млн безземельных крестьян. Из-за слабого развития промышленности большинство из них не могут найти работу и остаются в деревне, испытывая страшную нужду, вынужденные занимать деньги у ростовщиков [9: 353]. Зачастую крошечный участок крестьянина разбит «на бесчисленное множество отдельных чрезполосных кусков», в результате чего «крестьянину трудно на них повернуться со своим плугом» [9: 355].

К этому нужно добавить и «неудовлетворительный способ освобождения крестьян»: при уничтожении крепостной зависимости помещики удержали в Галиции «исключительное право на леса и пастбища с обязательством вознаградить за это крестьян». Вопросами, возникающими между крестьянами и помещиками, занимаются особые комиссии, и её члены защищают интересы польских помещиков. Также крестьяне обложены многочисленными повинностями и налогами: «...кроме поземельной и других податей, кроме всяких земских повинностей, крестьяне должны давать на постройку и содержание церквей и сельских школ. Все эти сборы и налоги так велики, что власти очень часто собирают их не иначе, как продавая последнее достояние крестьянина», нередко при сборе податей чиновники задерживают солдат, опасаясь волнений среди них [9: 354].

Большинство помещиков «сохранили очень многие свои права и преимущества, а крестьяне были поставлены в неизбежную экономическую зависимость от них, остались без леса и пастбищ, а так как в стране промышленность развивается слабо, то и без возможности для очень многих найти себе заработок на родине». Помимо права

на леса и пастбища, помещики сохранили и другие права «тесно связанные с владением землёй»: право помола хлеба, право рыболовства в реках, орошающих крестьянские участки, право продажи вина и т. д. Много проблем возникло и из-за того, что «надел земли был не личный, а посемейный: известный участок отдавали не лицу, а семейству». Вследствие этого большое количество людей, не имевших в то время семей, «остались навсегда батраками, людьми без земли и крова» [9: 355].

«Жалкие условия жизни выработали из здешнего крестьянина слабосильного работника». «Да и откуда галицийскому рабочему взять на родине силы и крепости мускулов, необходимых для работы, при его жалкой растительной пище?» Народ в Галиции, как и в Ирландии, потребляет много картофеля. Болезнь и неурожай его приводит к таким же последствиям, как и в Ирландии. При такой бедности «кофе и чай совсем мало распространены среди народа». Однако водку здесь пьют больше, чем в других регионах Австрии. Как заметила Е.Н. Водовозова, «излишнее употребление алкоголя является в этой стране исключительно следствием дурного питания»: замечено, как только здешний простолюдин начинает лучше питаться (в основном в урожайные годы), «количество потребляемого алкоголя в Галиции немедленно уменьшается» [9: 355].

Плохое питание привело к увеличению смертности, уменьшению средней продолжительности жизни «на количестве неспособных к военной службе, а также на измельчании, истощении, физическом и умственном вырождении галицийского народа. Огромную цифру смертности в Галиции можно объяснить хроническим господством в стране всевозможных болезней и эпидемий». В свою очередь, «восприимчивость галицкого населения ко всевозможным болезням является результатом физического истощения, происшедшего от недостатка питания в целом ряде поколений» [9: 356].

В поисках лучшей доли галичане уезжают в Америку. Ежегодно туда отправлялось от 20 до 30 тыс. галичан, в основном поляки, однако в последнее время усилилась эмиграция и русинов. Кроме того, галичане уезжали на заработки в другие провинции Австрии, в Пруссию, Царство Польское, на Балканы [9: 356–357].

Е.Н. Водовозова считала, что одной из причин бедности населения «этой когда-то богатейшей польской провинции, и её застой до самого последнего времени во всех сферах жизни, во всех областях труда» был «результат задержки в сношениях». Развитие торговли идёт в каждой стране «по направлению течения рек, ближайшей дорогой к морю». Но эти естественные пути были закрыты после раздела Польши, присоединения Галиции к Австрии, и «торговля в Галиции

более полувека не могла свободно развиваться; вместе с этим были искусственно задержаны и сношения» Галиции с Европой. Только в 1847 г. стали строиться здесь железные дороги, что «немедленно послужило к оживлению отношений и торговли» [9: 357].

«Промышленность Галиции развивается медленно и питает лишь около 9 % всего населения». В основном это горнозаводская промышленность: соляная промышленность, которая «издавна составляет главное богатство Галиции», нефтяная и добыча каменного угля (чёрного и бурого) [9: 357]. Фабричных рабочих в Галиции около 280 тыс. чел., включая русинов и поляков. Если к ним прибавить членов их семей, техников, служащих при фабриках и заводах, то выйдет до 400 тыс. чел. «Спасаясь от голода, крестьяне идут на фабрики и заводы», соглашаясь «на всякую плату, лишь бы получить какой-нибудь заработок» [9: 358].

Говоря об истории части Галиции, населённой русинами (Галицкой Руси), Е.Н. Водовозова пишет, что в давние времена она «была тесно связана с остальной Русью и составляла часть русских княжеств. Галицкую Русь населял такой же русский народ, как и все русские люди, он исповедовал нашу православную веру и управлял им тот же княжеский род». В первой половине XIV в. галицко-русское княжество вошло в состав Польши, «поляки превратили его в польскую провинцию, при этом оно названо было воеводством Русским или Червонною Русью». В начале польские короли обещали соблюдать права русинов и «не стеснять их православного вероисповедания». Обещание это не было выполнено: «высшие должности в государстве и доходные места» получали поляки или местные бояре, перешедшие в католичество. Католическое духовенство было освобождено от налогов, православное духовенство платило «множество повинностей». Польские помещики «старались всеми силами теснить русинских духовных лиц» [9: 362].

Со временем положение ещё более ухудшилось: «...польские короли поручили управление Червонною Русью знатым людям из польских фамилий, которые начали распорядиться в ней с необыкновенною жестокостью». Они увеличивали русинам налог, «вмешивались даже в их семейные дела, решали супружеские споры между ними, расторгали браки». Высшие классы, «когда поляки начали их теснить и угнетать... один за другим, переходили в католичество» и начинали «строить на русской земле костёлы». Наиболее стойкие «из высших русинских классов были насильственно лишены своих имений и всякого достоинства» [9: 362–363].

«Чтобы окончательно подавить русинов и вытравить из них русский дух, польское правительство, а также и католическое духовенство

(оно всегда старалось помогать правительству, когда дело шло о том, чтобы притеснять ненавистных им русинов) употребляли все средства, чтобы в русской земле польские обычаи, польский язык, чуждую народу католическую религию и польские законы», – отметила автор [9: 363].

Города «начали населять немцами и евреями». «У русинских мещан были отняты все их права и преимущества, они лишены были даже своего городского самоуправления, и их отдали на произвол старост и каштелянов из поляков; зажиточные русинские купцы и ремесленники не могли более конкурировать с евреями, поселенными в русинских городах и в руках которых очень скоро очутилась вся торговля Галичины» [9: 363].

У простого народа «оставалось только духовенство, столь же угнетаемое и несчастное, как и русинский народ, но более его грамотное и умственное развитое. И русины шли к своим священникам только у них находили сочувствие и поддержку». Из-за «презрения поляков к хлопам», т. е. русинам, у которых остались теперь только «поп да хлоп», усиливалась вражда с поляками. Народ и его священники продолжали придерживаться «своих русских обычаев, только они говорили на своём родном языке» [9: 363]. Процесс вовлечения духовенства и мирян Львовской епархии в унию был долог. Лишь в 1700 г. львовский епископ «принял унию и подчинил свою паству римскому папе» [9: 364].

Вскоре могущество Польши стало клониться к упадку и её территория была разделена соседями. Галицкая Русь была в 1772 г. присоединена к Австрии и «русины, испытав на себе 400-летнее иго поляков, вдруг очутились и до сих пор находятся под властью австрийских немцев» [9: 364].

Положение русинов вначале улучшилось: во время правления Иосифа II были ограничены права польских помещиков, приняты меры для развития промышленности, правительство ввело «правильную администрацию и суд», открылись народные школы, духовная семинария, университет во Львове [9: 364].

После смерти Иосифа II ситуация ухудшилась: усилилось онемечивание, поляки приобрели в Галиции господствующее положение, прекратилось преподавание на русском языке, отменены лекции на церковно-славянском языке в Львовском университете, в духовной семинарии вместо русского языка ввели латинский и польский, униатское духовенство ещё больше стало зависеть от Рима и польского дворянства. В конце XVIII в. Галицкая Русь, входя в состав Габсбургской империи, больше напоминала польскую провинцию, «в которой русинский элемент обнаруживал весьма слабые признаки жизни».

Польский элемент преобладал во всех сферах жизни. Русинами оставались «крестьяне, беднейшая часть мещан, да еле грамотное сельское духовенство». Духовенство было необразованно, бедно, не имело никакого влияния, «было угнетаемо и подавляемо и высшими духовными лицами, и властями, и польскими панами, преследовавшими его за сочувствие к своему несчастному народу» [9: 364–365].

Пробуждение русинов началось в 20-х гг. XIX в. Первые деятели русинского возрождения создали тайное общество среди студентов университета и семинаристов. «Они прежде всего стали побуждать своих товарищей русин говорить на своём родном языке», в то время как все мало-мальски образованные люди говорили по-польски, к тому же на русинском не было литературы. Вскоре первые русинские деятели стали не только разговаривать между собой по-русински (у автора – на малорусском. – С.С.), но и «произносить проповеди на этом языке». Они пытались издавать на своём родном языке, «но это навлекло на них такие тяжёлые преследования и гонения, что весь кружок этих патриотов волей-неволей рассеялся и его деятельность прекратилась» [9: 365].

Когда польские правящие классы попадали в немилость австрийских властей, «на них тоже сыпались всевозможной кары» и преследования. Периодически австрийское правительство делало попытки онемечивания населения, «оно насылало в Галицию целые толпы немецких чиновников», чтобы онемечить все русинское и все польское население. Простой же польский народ был почти также угнетаем, как и русины, особенно в экономическом плане. Время от времени польская шляхта устраивала заговоры и восстания. В 1846 г. была попытка восстания, но, несмотря на призывы, народ его не поддержал. Русины и польские крестьяне, «верные сыны католической веры, ответили на этот призыв избиением панов» [9: 365]. «Правительство поощряло и снабжало русинов средствами к нападению на восставших польских панов». Действуя при поддержке австрийских войск, подстрекаемые правительством, вооружённые отряды крестьян проявляли жестокость по отношению к шляхте: истребили до 15 тыс. польских семейств и множество городских жителей, совершали грабежи, насилия. Действуя таким образом весной и летом, крестьяне оставили невозделанными свои поля и с наступлением зимы начался голод. В 1847 г. «по всем дорогам бродили несметные толпы изувеченных, истощённых, оборванных нищих, напоминающих скорее скелеты, чем живых людей. Они протягивали прохожим руку за подаванием и часто, не дождавись его, падали тут же в предсмертной агонии» [9: 366].

В 1849 г. в Австрии была объявлена конституция. Положение русинов несколько улучшилось. Они еще в 1848 г. образовали во Львове Главную русскую раду (Головна руська рада), «нечто вроде

политического клуба, поставившего себе целью войти в непосредственные сношения с народом, заботиться о его нуждах, охранять его свободу». Вскоре подобные рады возникли во многих городах, которые постоянно контактировали с главной львовской. «Народ тысячами собирался на эти собрания и рассуждал о своих делах». Результатом этих совещаний было прошение на имя императора с просьбой преподавать в народных школах и высших училищах в местностях, преимущественно населённых русинами, на их родном языке, назначать чиновников со знанием русинского языка. Некоторые просьбы были выполнены. Петиция, «скреплённая десятками тысяч подписей», о разделении Галиции на русскую (восточную) и польскую (западную) части была отклонена [9: 366].

Принятие конституции активизировало общественную жизнь русинов. Была основана «Галицко-русская матица», появился печатный орган – газета «Пчола Галицка», вскоре переименованная в «Зорю Галицку», создаётся «Народный Дом» и большое количество политических и просветительских обществ, открывается множество читален. Так как в то время у русинов не было светской интеллигенции, то в основном во главе этих процессов стояло духовенство. «Конституционная свобода русин продолжалась недолго»: в 1851 г. конституция 1849 г. была отменена. Политика австрийского правительства по отношению к русинам диктовалась государственными соображениями, «лишь только миновала необходимость в этом, русинов бросали на произвол судьбы, и они снова начинали подвергаться гонениям и притеснениям» [9: 367].

Всё местное управление снова оказалось в руках поляков. Поляки пытались выставить хорошее отношение русинов к России как государственную измену. Наместник Галиции граф Залесский, «ярый поляк и ненавистник русин», ввёл польский язык в средние учебные заведения Восточной Галиции. После него правление нового наместника графа А. Голуховского получило название «голуховщина». Понимая, что «знаменем русинской народности служит родной язык», он стал вытеснять из гимназий русский язык, «там, где уже решительно не было возможности заменить галицко-русский язык польским, велено было писать русские слова латинскими буквами». Он убедил австрийское правительство, что распространение русского языка превратит молодёжь в приверженцев России и врагов Австрии. Были уволены, заключены в тюрьмы множество учителей, писателей, священников, часто лишь по подозрению в неблагонадёжности. В 1861 г. появилась новая конституция, и всё сделанное Голуховским было упразднено. В это время в Галицию начинает проникать украинофильское движение [9: 367–369].

После 1865 г. снова для русинов наступает реакция, вторично назначается наместником Голуховский. До его приезда стала популярной песенка «Едет, едет Голуховский, едут польски паны и везут для Руси нашей новые кандалы». Прежняя политика – ссылки, доносы, освобождения от должностей русинских деятелей, учителей и профессоров, вытеснение из учебных заведений родного языка, ополячивание русских галичан – продолжалась во второй период «голуховщины» с новой силой вплоть до ухода с поста наместника в 1868 г. [9: 369].

В то же время Галиция получает самоуправление, народ избирает депутатов во львовский сейм, депутаты от Галиции заседают в рейхстрате в Вене. С 1897 г. в выборах в парламент стало участвовать всё мужское население, и в нём заседали «депутаты от всех жителей Галиции». В сейме Галиции заседали представители только трёх сословий: помещиков, крестьян и мещан [9: 369].

Исследователь отметила, что между поляками и русинами особой вражды нет. В местностях, где они живут рядом, «польки выходят замуж за русин, поляки женятся на русинках, не обращая никакого внимания на различие исповеданий». Но это касается только крестьян и рабочих. «Несмотря на это, русин нередко с презрением и ненавистью говорит о поляке вообще, но эта неприязнь преимущественно относится к помещикам, т. е. к польским панам, от которых он и в настоящее время вполне зависит материально и испытывает всякие притеснения и прижимки» [9: 370].

В настоящее время среди русинов есть и образованные люди, которые говорят на родном языке. Они начинают предъявлять требования и добились уже некоторых результатов: введено преподавание на местном языке и ряд других льгот. Однако пока не удалось достичь полного равноправия с поляками, т. к. среди русинов «почти нет богатых и значительных людей, и образованный класс их невелик, не вполне ещё установился и не пользуется пока ни влиянием, ни значением». В то же время поляки не желают без борьбы уступать своё влияние русинам. Количество образованных людей среди русинов растёт, среди русинских крестьян быстро распространяется просвещение, они становятся более самостоятельными, и автор полагала, что «в недалёком будущем русинский народ, вероятно, будет пользоваться такими же правами, как и поляки, и притом не только на бумаге, но и в действительности» [9: 370–371].

В главе «Просвещение и религия» Водовозова писала, что «наиболее образованные и передовые русины пишут теперь на родном языке, на котором говорит русинское простонародье». Их язык «получил доступ не только в школы, но на нем уже более не сты-

дятся разговаривать и в порядочном обществе». Правда в разговорном языке встречается много польских слов, что объясняется преобладанием долгое время польского языка. Помимо этого в русинском языке есть и немецкие слова. В местностях, где русины живут по соседству с румынами, в их речи встречаются румынские слова. Но постепенно язык «очищается от чужих слов и выражений» [9: 372].

Е.Н. Водовозова отметила, что «во львовском университете открывают и малорусские кафедры». «Русинские студенты в высшей степени энергичные, любознательные юноши и горячие патриоты». Они создали «академическое братство», имеющее хорошую библиотеку. Студенты устраивают литературно-музыкальные вечера, издают разные книги, во время каникул разъезжают по сёлам, устраивая для простонародья чтения, изучая его быт и нравы, знакомятся с его нуждами [9: 372–373].

После 1873 г., когда в Галиции было введено бесплатное обязательное обучение для детей от 6 до 12 лет, увеличилось количество школ и грамотных. Русинами было создано «Общество народной школы», которое открывает читальни, библиотеки, новые школы, обеспечивает бедных детей учебниками, одеждой и в случае необходимости питанием. Общество имеет в крае много отделений (кружков), членами которых являются мужчины и женщины. Они собирают пожертвования для общества, проводят вечера, лекции, собирают сведения о нуждах школ [9: 373].

Кроме данного общества у русинов есть ещё и «Просвіта», которая издаёт книги для чтения и распространяет их среди народа. Среди членов этого общества много крестьян и мещан. «Просвіта» открывает читальни, которых уже около 600. В Галичине читальня, скорее всего, является «просветительным и увеселительным клубом, посещение которого не только умственно развивает селянина, но и доставляет ему приятный и полезный отдых и в то же время чрезвычайно сильно мешает ополячиванию и окатоличению русин». Каждая читальня имела свой устав, для управления выбирали голову, писаря и кассира. Размещались читальни, как правило, в простой избе. В праздники в них собиралось много людей. Кто-то (обыкновенно священник, учитель или грамотный крестьянин) читал и объяснял, остальные слушали. После чтения было обсуждение прочитанного, ответы на вопросы, часто переходили к актуальным для крестьян проблемам. Иногда в читальне проводились лекции. Работа по просвещению крестьян дала свои результаты: «...за последние 8–9 лет в некоторых местностях русинской Галиции количество безграмотных уменьшилось на 20–25 проц.; нередко попадаются даже такие уголки, где безграмотных

крайне мало или совсем нет; но в гористых уголках страны ещё до сих пор много безграмотных» [9: 373–374].

Говоря о вере, исследовательница ещё раз подчеркнула, что «русины исповедуют униатскую веру, которая ничто иное как смесь православия с католичеством (за исключением 200 000 православных русин в Буковине)». В свою очередь, «католики смотрят на унию, как на переходный мост к католичеству, как на религию переходную, последователей которой со временем легче переманить в католичество». Долгое время униатское духовенство было «единственными охранителями народности русинов и их религии», спасало русинов «от ополячивания и окатоличивания» [9: 374–375].

Описывая внешний вид галицко-русских церквей, Е.Н. Водовозова отметила сходство «с нашими православными церквями в более глухих местностях Киевской и Волынской губерний». Она обратила внимание, что «они почти все деревянные, с тремя или пятью главами, украшенными железными крестами». Сами кресты напоминали скорее латинские. Внутри храма, как и в российских церквях, – иконостас с царскими и боковыми вратами. Богослужение совершалось по греческому уставу, но с примесью католичества: царские врата не закрывались во время всей обедни. При входе в церковь стояла святая вода, в ней каждый входящий в храм обмакивал пальцы. Крестились, согнув руку крючком, и этим крючком описывали круг перед собой. Многие входили в церковь с узлами и корзинами. Причащающиеся откладывали свои котомки и становились на колени перед царским вратами. Органы в русинских церквях почти не встречались, проповеди велись на местном наречии, гимны пели церковно-русские. Богослужебные книги такие же, правда, вместо Синода упоминался папа [9: 375].

Облачение священников и церковная утварь тоже сходны с православными, хотя заметно и католическое влияние. У русинских священников волосы острижены под гребёнку и нет бороды. Униатские священники, как и православные, люди семейные. «Их жёны в большинстве случаев страстные патриотки, сыновья же – образованные люди» [9: 375–376]. Униатские священники стоят за греческий обряд в богослужении не только потому, что к нему «привязан народ». Уничтожение греческого обряда привело бы к переходу богослужения на латинский язык, что «заставило бы русинов забыть свой родной язык». Материальное положение русинских священников тяжёлое, в отличие от ксёндзов, которые имеют большой доход и приняты в обществе, и к ним лучше относятся чиновники [9: 377].

Описывая материальную и духовную культуру русинов (мещан и крестьян), автор упомянул три класса русинов: «духовенство, весь-

ма немногочисленный класс мещан, все остальное – крестьяне». Мещане состояли большей частью из ремесленников (сапожников, кожевников, гончаров, ткачей и т. д.). Жили мещане так же, как и крестьяне, только одевались получше и, обрабатывая поля, в то же время занимались каким-то ремеслом. Крестьяне же исконно занимались земледелием, и только сейчас некоторые из них стали заниматься ремеслом. Города и местечки Галичины славились своими мастерами: один город – сапожниками, другой – кожевниками, третий – мясниками, которые делают известные колбасы и окорока, четвёртый – искусными ткачами, изготавливающими полотно, скатерти, ковры и т. д. Большой популярностью пользовались горшечники и их глиняная муравленая посуда. Как правило, ремеслом занималось все семейство. Отношения мещан с крестьянами хорошие [9: 378].

В некоторых местностях мещане стали одеваться по-европейски, но большинство носили одежду предков. В каждом городе, в каждой местности особый покрой одежды и различные цвета. Это относится и к крестьянам. От одежды «хлопа» одежда мещанина отличается тем, что сукно не самодельное, а купленное в лавке, рубашка тоньше и белее [9: 378].

Большинство мещан носили длинную до колен рубаху, заправленную в штаны. Сверху – жилет, застёгнутый под самую шею. Выходя со двора, одевали жупан (суконный кафтан ниже колен), на груди, по рукавам, швам и около карманов он был выложен тесёмками [9: 378]. У кого нет жупана, носили капоту. Она длиннее и просторнее жупана. И то и другое подпоясывали полосатым поясом, «которым несколько раз обматывают талию, и оба конца его, обшитые бахромой, оставляют висеть спереди». На голову одевали меховую шапку, летом – поярковую. Волосы мужчины стригли и причёсывали с пробором, бороды сбривали, оставляли только усы, иногда – небольшие бакенбарды [9: 379].

Мещанки одевали белую сорочку до пят, поверх неё – юбку из бумажной цветной материи, в праздник – шерстяную. На талии – корсаж из материи другого цвета. Поверх юбки и короче её одевали передник другого цвета. Большое значение придавали ожерелью. У бедных оно не менее чем из 5–6 ниток, у богатых – 15 и более. Если собирались в церковь или в гости, то поверх рубахи и корсажа одевали кофту «с широким откидным воротником, стянутой по талии шнурком с кистями». Кофта у женщин длиннее, у девушек – короче. В праздничные дни на ноги одевали черевики (башмаки) и сапоги жёлтые или красные сафьянные, по будням – чёрные. Девушки заплетали одну косу, вплетая в её конец ленту. В некоторых местностях заплетают две косы и обвивают их вокруг головы, украшая ветками

и цветами. В некоторых регионах голову повязывали платком так, чтобы из-под него были видны косы. Замужние женщины кос не заплетали. Волосы у них были пострижены, покрыты сеткой и поверх одевали платок, подложив в середину его папку (картон. – С.С.). Зимой мещанки носили меховые шубы [9: 379].

Русинская крестьянская одежда была похожа на мещанскую. Вырез (прореха) на горловине мужской рубахи у мещан застёгнут, у крестьян он длинный. Крестьяне редко одевали жилет. Стан перетягивали цветным пояском. Когда хлоп выходил со двора, сверху одевал серак или опанчу (и то и другое – кафтан, но опанча длиннее). Серак подпоясывался ремнём, опанчу, как одежду более просторную носили нараспашку. Изготавливали их из сукна, в зависимости от местности: чёрного, тёмно-коричневого, белого, серого цвета и украшали цветными вышивками, оторочками и каймами. Зимой некоторые крестьяне побогаче носили овчинный кожух, который украшали различными узорами. На голове носили баранью шапку, летом – соломенную шляпу из пшеничных стеблей. Волосы подстригали в кружок или покороче над лбом, сзади – подлиннее. В некоторых местностях голову брили, оставляя чуприну (оставленный в центре тщательно выбритой головы, на макушке, толстый клочок волос). На ноги одевали сапоги или лапти, похожие на белорусские и великорусские. Кошель, который висел через плечо, плели из лыка, и он «тоже имел большое сходство с кошелями наших крестьян» [9: 379–380].

Крестьянки носили рубашку, полосатую юбку из домашнего холста и передник. На рукавах и груди рубашки была вышивка, на шее – несколько десятков ниток стеклянных бус и дешёвых кораллов, в ушах – серьги. На голове был платок (хустка). Замужние женщины, выходя из дома, одевали серак или свиту, как их мужья. Женская верхняя одежда была более приталена и расшита [9: 380].

Жили крестьяне «в прокоптелых от дыма избах, в которых дым проходит не только из трубы, но и из окон, дверей и щелей крыши, а нередко и совсем нет трубы». Дверь хаты была низкой, пола часто не было. Окна – крошечные, зимой плотно забитые и их невозможно открыть. Поэтому уже возле хат «чувствуешь отвратительное зловоние». Перед хатами «валяются груды навоза и нечистот, единственный способ дезинфекции представляют собой свиньи, уничтожающие всё, что им попадается». Так как крестьяне, не имея леса, должны покупать брёвна, которые ближе к городам становятся дороже, то, соответственно, и хаты там беднее и меньше. Дом окружён плетнём из лозы и веток, который зимой крестьянин, не имея денег на дрова, сжигает. Возле дома – огород. На нём выращивают овощи, картофель, кукурузу [9: 380].

Стены хаты были из дубовых жердей, обмазанных глиной или речным илом, стены внутри и снаружи ещё раз обмазаны глиной и побелены известью. Избы также белили перед каждым большим праздником. Внутри изба делилась на три части: середину занимали сени, с правой стороны вход в жилую комнату, слева – в клеть. В комнате стены напротив дверей украшались образами, красный угол загораживали столом, на котором лежал покрытый куском холста каравай хлеба, рядом – соль. Балка под потолком разукрашивалась цветами, резьбой и благочестивыми надписями. У одной стены – полати, на которых спит семья, на них две-три подушки, днём полати застелены полотном. Рядом – детская колыбель. Напротив печи – шкаф с посудой. Под печью – полукруглое отверстие для кур и дров. Во дворе был овин. Возле овина стояла пристройка для скота. Из-за бедности не у всех крестьян были хозяйственные постройки во дворе [9: 380–381].

Выращивали русины в основном картофель, рожь, просо, иногда – гречиху. Пища их была большей частью растительной: картофель, пустой борщ, кислое молоко, кислая капуста, репа. В северных районах Галиции ели ржаной или ячменный хлеб, в горах – овсяный, на юге хлеб заменяла кукуруза, из неё готовили лепёшки, похлёбку, кашу. По праздникам к обеду делали ватрушки, пироги с капустой, наиболее бедные – «голубцы» (завёрнутые в капустные листья кукурузную или гречневую кашу, вываренную в сыворотке) [9: 381].

Автор упомянула, что с 1882 г., по инициативе нескольких «образованных людей» среди крестьян стали создаваться земледельческие кружки, названные «Общество земледельческих кружков». Их целью было распространение знаний о земледелии, скотоводстве, сельском хозяйстве, кустарной промышленности, помощь крестьянам в приобретении семян, земледельческих орудий, организация земледельческих и промышленных выставок, создание сберегательных и ссудных касс. В 1897 г. в Галиции действовало 1 220 земледельческих кружков, объединяющих 60 тыс. членов. Особую пользу народу приносили т. н. ревизии: в местности, где действовали земледельческие кружки, общество присылало опытных специалистов по сельскому хозяйству, которые осматривали поля и огороды крестьян и почву, давали крестьянам советы, как им вести хозяйство, какие вносить удобрения, что сеять. Общество также рассылало по земледельческим кружкам привитые фруктовые деревья и во многих местностях, где раньше не было фруктовых садов, стали их выращивать. Общество поощряло развитие сельской торговли, помогая организовывать в сёлах «крестьянские лавочки», которые торговали всем необходимым в сельской жизни и продуктами крестьянского хозяйства. Таких лавок

было основано при земледельческих кружках более 700. Земледельческие кружки создавали сберегательные кассы, которые выдавали ссуды своим членам [9: 381–383].

Говоря об отдыхе крестьян, Е.Н. Водовозова писала, что «веселье, музыку, пение, танцы русины, как и поляки, устраивают в корчме». В корчме под окном стоял один длинный стол, «на нём сидят, поставив ноги на скамеечки, деревенские музыканты и немилосердно пилят на скрипках». Пары отплясывают «коломыйку». Многие, выпив, танцуют в одиночестве [9: 383–384].

Отмечает она «страсть к пению» у народа: «всякий душевный порыв, горе, радость – все выражает он в песне». Во время танцев в корчме пели множество песен, без них не обходится ни праздники, ни работа. Глубокое впечатление производят грустные, заунывные песни о тяжёлом положении народа [9: 384]. В обрядовых песнях «слышны остатки старины» В рождественские праздники поют колядки, одни – накануне Рождества, другие – накануне Нового года. С наступлением весны начинается ряд праздников с особыми обрядами, играми, песнями. Разнообразны песни на гаивках (обрядовые весенние песни в сопровождении девичьих хороводов). Самые оживлённые гаивки устраивают в первые три дня Пасхи. Проводятся они днём, до захода солнца в «церковной ограде, в виду могил, а если это неудобно, то на открытом месте... Все три дня наперерыв гудят колокола на дзвонице (колокольне), и хороводные песни не умолкают до вечера. Шум, гам, хохот слышны ещё издали. Здесь наряженные девушки, взявшись за руки, водят хороводы и, притопывая в такт ногами, припевают». Парни «шумят, проказничают и ухаживают за девушками. Они постоянно мешают им в играх, прерывая их хоровод... В этот день все веселы и развязаны, только степенные отцы и матери, усевшись на могилах, смотрят на резвящуюся молодёжь». Между народом движется трёхярусная «живая» «дзвоница» (на плечи 5–6 здоровых мужчин, положивших руки на плечи друг другу, становятся двое парубков, на их плечах стоит ещё один юноша, балансируя, чтобы не упасть, руками), обходя несколько раз церковь [9: 385].

Много песен исполняется в период летних работ, особенно во время и в конце жатвы. После окончания жатвы жницы плетут венок из колосьев и одевают его на головы самой красивой девушки (в некоторых местностях – недавно вышедшей замуж женщине). С поля идут распевая песни, девушку с венком на голове называют *княгиней*. Когда подходят к дому хозяина, княгиня снимает венок и с поклоном отдаёт его хозяину или хозяйке. Её за это одаривают мелочью, подруг угощают, после чего хозяин устраивает танцы с музыкой, где их снова угощают, молодёжь пляшет допоздна [9: 385–386].

Главными музыкальными инструментами у русинов были скрипка и *сопелка* – «длинная деревянная дудка, на которой играет и пастух, когда пасёт своё стадо, и пахарь, когда идёт за волами». Были у русинов певцы *лирники*. Слепые и с мешком за спиной, они ходили по сёлам, их, как правило, сопровождал мальчик. «Лирники потеряли зрение не случайно и не от болезни, но нарочно ослепили себя, или в детстве были ослеплены своими родителями». Лирники пользовались популярностью у народа. На своём инструменте «лире» они играли и пели песни, которые любил народ. «Только весёлые звуки редко издаёт его инструмент, но у русинов более горя, чем радости, и они со слезами на глазах слушают песни лирника» [9: 386].

Исследователь отметила, что «русини народ покойный, мирный, трудолюбивый и, как все славяне, в высшей степени гостеприимный». Упоминает она и о «рабских наклонностях» русинов: «...как люди, долгое время бывшие в рабстве, русин относится к каждому, получше его одетому, с низкопоклонством: низко кланяется, сгибается, вся фигура выражает унижение, целует руку пана». Но «терпение и приниженность» русина «не мешают ему ненавидеть своих врагов и зло подсмеиваться над ними». Когда русин приобретает власть, то «становится заносчив и высокомерен». С развитием просвещения в крестьянской среде «рабская приниженность и высокомерная заносчивость» постепенно исчезают. Столетия «крепостного права, тяжёлого гнёта и рабства» сделали его «непомерно выносливым» [9: 384].

Также о русинах Е.Н. Водовозова писала в серии книг «Как люди на свете живут», одна из которых посвящена чехам, полякам, русинам. В предисловии она рассказала о целях данного издания: «Под общим названием “Как люди на белом свете живут” я издаю ряд книжек, содержащих описание наиболее характерных народов Западной Европы, с целью познакомить читателей с их нравами и обычаями, с их радостями и невзгодами, с их трудами и заработком, с семейною и общественною жизнью всех сословий, а также с образом правления в тех государствах, где он вполне прочно установился и отражается на всей жизни, нравах и привычках народа». Также она постаралась «дать вполне ясное представление о земледельческой, промышленной и торговой деятельности каждого народа, поскольку она имеет значение в его жизни». Отвечая на газетную критику, автор отметила, что новая серия книг «Как люди на белом свет живут» представляет «не простое сокращение, а полную переработку с новыми главами, которых нет в книгах “Жизнь европейских народов”». Издала эти книги она для тех, «кто не может приобретать дорогих книг и не имеет досуга для чтения больших по объёму сочинений, особенно же тех читателей, которые требуют более популярного изложения» [10: I].

В главе о русинах представлен сокращённый вариант предыдущей работы с некоторыми стилистическими изменениями.

К сожалению, в книге «Жизнь европейских народов» (и «Как люди на свете живут») Е.Н. Водовозова не дана сведений о русинах Буковины и Венгерского королевства. В главах, посвящённых Венгрии, венграм и словакам есть несколько фраз об угорских русинах [9: 443, 510, 516, 537, 543, 547] и фраза о буковинских в разделе о русинах (галицких русинах), что русины исповедуют униатскую веру, «за исключением 200 000 православных русин в Буковине» [9: 374]. Нет описания субэтнических групп русинов, которые проживали в той же Галичине. Можно было бы вкратце упомянуть наиболее крупные: бойков, гуцулов, лемков, причём в списке источников автором указан ряд работ на эту тему. В то же время в разделе «Поляки Австрии и Пруссии» исследовательница перечисляет этнографические и субэтнические группы поляков, более полно описывая краковяков, силезцев Австрии, познанских поляков (куявяков), поляков прусской Силезии и мазуров [9: 387–422].

Недостаточно, на наш взгляд, показана общественно-политическая жизнь Галичины, ничего не сказано и разделении русинов по идеологическому признаку и борьбе между русским и украинофильским движениями. Несколько односторонне описана просветительская деятельность. К примеру, помимо «Просвиты», организовывало бесплатные читальни в городах и сёлах Галичины, а также издавало литературу, обучало методам ведения сельского хозяйства, боролось с безграмотностью и пьянством «Общество имени Михаила Качковского», созданное И.Г. Наумовичем в 1874 г. В описываемый автором период общество было многочисленнее и имело больше филиалов и читален, чем «Просвита».

Ряд абзацев, в частности описание деятельности «Общества земледельческих кружков» и гаивок, взят в кавычки, однако ссылки на источники отсутствуют [9: 382–383, 385].

В целом недорогие, общедоступные, написанные простым языком книги Е.Н. Водовозовой сыграли свою роль в просвещении российского общества, в т. ч. и по русинской проблеме.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В его Александровское училище, или Александровскую половину. На Николаевскую половину принимали дочерей лиц, имевших чин не ниже полковника или статского советника и потомственных дворян; на Александровскую половину – дочерей лиц с чином штабс-капитана или титулярного советника до полковника или коллежского советника, а также детей протоиереев, священников, евангелических

пасторов и дочерей дворян, внесенных в третью часть дворянской книги. Разделение на два учебных заведения просуществовало с основания Смольного института в 1764 г. до 1860 г. [13: 266].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виленская Э.С.* Елизавета Николаевна Водовозова // Водовозова Е.Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 5–24.

2. *Водовозова Е.Н.* Из заметок старой пансионерки. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1866. Из № 89 газеты «Голос». 15 с.

3. *Водовозова Е.Н.* Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста. Книга для воспитателей Е. Водовозовой. При книге приложены: чертежи и сборник детских песней и подвижных игр с народными мелодиями. Музыка А.И. Рубца. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 245 с. разд. паг., 24 л. табл.

4. *Водовозова Е.Н.* Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста. 8-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. X, 365 с., XXIV с. табл.

5. *Водовозова Е.Н.* Одноголосные детские песни и подвижные игры. С народными русскими мелодиями / сост. предисл. Е. Водовозова; муз. А.И. Рубца. СПб., 1876. 14, 41 с.

6. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: в 3 т. Т. 1: Жители Юга. Географические рассказы. С 25 рис. В.М. Васнецова. СПб.: скл. кн. у автора, 1875. XXII, 553 с., 25 л. ил.

7. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: в 3 т. 5-е изд., испр. и доп. Т. 1: Жители Юга. С 26 рис. худ. Васнецова. СПб.: скл. кн. у автора, 1897. XII, 652 с.

8. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов. Географические рассказы Е. Водовозовой: в 3 т. Т. 3: Жители Средней Европы. С 24 рис. худож. Голембиовского, Панова и Брожа; Грав. на дереве г.г. Регульского, Хелмицкого, Адта и др. СПб.: скл. кн. у автора, 1883. XIV, 569 с., 24 л. ил.

9. *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов: В 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Жители Средней Европы. С 32 рис. худож. Панова, Брожа, Бухгольца [и др.]. СПб.: скл. изд. у автора, 1903. XII, 565 с., 32 л. ил.

10. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 8 картинками худож. В.М. Васнецова и др. СПб.: Тип. Балашева и К°, 1897. [4], 184 с., [6] л. ил.

11. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 10 карт. худож. В.М. Васнецова и др. 3-е изд., испр. СПб.: скл. изд. у автора, 1905. [4], 188 с., [8] л. ил.

12. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Чехи. Поляки. Русины. С 10 рис. картинками худож. В.М. Васнецова и др. 4-е изд., перераб. СПб.: Коммерч. скоропеч. А. Гольдберга, 1914. [4], 180 с., [8] л. ил.

13. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Жизнь в провинциальной глуши. Институт до и после реформы. Среди молодёжи 60-х годов. Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб.: Тип. 1 СПб. труд. артели, 1911. XII, 608 с.

14. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Э.С. Виленской. М.: Худ. лит., 1987. Т. 1. 511 с.

15. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: в 2 т. М.: Терра; Книжный Клуб Книговек, 2018. Т. 1. 477, [2] с.; Т. 2. 413, [2] с.

16. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Ч. 2 // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой, Л.Г. Сахаровой, вступ. ст. А.Ф. Белоусова. 4-е изд. М.: Нов. лит. обозрение, 2008. С. 215–388.

17. *Водовозова Е.Н.* Дневники смолянки. Воспоминания об институте благородных девиц. М.: Родина, 2021. 286, [1] с. ил.

18. *Водовозова Е.Н.* Дневники смолянки. Воспоминания об институтских нравах. М.: Алгоритм, 2017. 286, [1] с. ил., портр.

19. *Водовозова-Семевская Е.Н.* Житейские невзгоды // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 45–72.

20. *Водовозова Е.Н.* Грёзы и действительность. М.: Задруга, 1918. 224, [1] с.

21. *Водовозова Е.Н.* Царство свободного ребёнка. Избранные статьи, практические советы, игры и занятия. М.: Карапуз, 2010. 286, [1] с. ил.

22. Водовозова, Елизавета Николаевна // Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. С. 51–52.

23. Водовозова Елизавета Николаевна // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI^a: Винословие – Волан. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1892. С. 762.

24. Водовозова, Елизавета Николаевна // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. 9-е изд., стереотип. Т. 10: Вех – воздух. М.: Изд-во Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1910. С. 527–528.

25. *Е. Ц-ская.* Что мешает женщине быть самостоятельной? (по поводу романа г. Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. Журнал словесности, науки и политики. 1863. Сентябрь. С. 1–19.

26. Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц / сост., подгот. текста и примеч. Г.Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2013. 288.

27. *Кареев Н.И.* Памяти ушедших. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская (1844–1823 гг.) // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 180–183.

28. *Мыркина Т.* Водовозова Елизавета Николаевна // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/v/vodovozova-> (дата обращения: 15.07.2022).

29. *Ольнем-Цеховская В. Е.Н.* Водовозова-Семевская // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 145–162

30. Памяти ушедших. Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская (1844–1823 гг.). Редакция // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 177–183.

31. Подольская И.И. Водовозова Елизавета Николаевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1: А–Г / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая рос. энцикл., 1989. С. 455–456.

32. Помелов В.Б. Первая женщина-методист начального образования // Начальная школа. 2016. № 6. С. 71–76.

33. Рыбаков. В. Из педагогического наследия Е.Н. Водовозовой: научить детей любить // Семья и школа. 1971. № 10. С. 26–28.

34. Симонова Т.Р. Идеи Е.Н. Водовозовой в современном воспитательном процессе // Начальная школа плюс до и после. 2010. № 6. С. 52–54.

35. Устав и список членов Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: Типолитография тов. Кушнерев и К°, 1905. 18 с.

REFERENCES

1. Vilenskaya, E.S. (1987) Elizaveta Nikolaevna Vodovozova. In: Vodovozova, E.N. *Na zare zhizni* [At the Dawn of Life]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–24.

2. Vodovozova, E.N. (1866) *Iz zametok staroy pansionerki* [From the notes of the old boarder]. St. Petersburg: Tip. A.A. Kraevskogo.

3. Vodovozova, E.N. (1871) *Umstvennoe razvitie detey ot pervogo proyavleniya soznaniya do vos'miletnego vozrasta* [The mental development of children from the first manifestation of consciousness until eight]. St. Petersburg: A.M. Kotomin.

4. Vodovozova, E.N. (2012) *Umstvennoe i nrvstvennoe vospitanie detey ot pervogo proyavleniya soznaniya do shkol'nogo vozrasta* [Mental and Moral Education of Children from the First Manifestation of Consciousness to School Age]. 8th ed. Moscow: LIBROKOM.

5. Vodovozova, E.N. (1876) *Odnogolosnye detskie pesni i podvizhnye igry. S narodnymi russkimi melodiyami* [Russian Folk Songs for One Voice and Active Games for Children]. St. Petersburg: [s.n.].

6. Vodovozova, E.N. (1875) *Zhizn' evropeyskikh narodov: v 3 t.* [The Life of the Peoples of Europe]. Vol. 1. St. Petersburg: skl. kn. u avtora.

7. Vodovozova, E.N. (1897) *Zhizn' evropeyskikh narodov: v 3 t.* [The Life of the Peoples of Europe]. Vol. 1. 5th ed. St. Petersburg: skl. kn. u avtora.

8. Vodovozova, E.N. (1883) *Zhizn' evropeyskikh narodov. Geograficheskie rasskazy E. Vodovozovoy: v 3 t.* [The Life of the Peoples of Europe. Narratives in Geography]. Vol. 3. St. Petersburg: skl. kn. u avtora.

9. Vodovozova, E.N. (1903) *Zhizn' evropeyskikh narodov* [The Life of the Peoples of Europe]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg: skl. izd. u avtora.

10. Vodovozova, E.N. (1897) *Kak lyudi na belom svete zhivut. Chekhi. Polyaki. Rusiny* [How People of Different Nations Live. Czechs. Poles. Rusins]. St. Petersburg: Balashev i K°.

11. Vodovozova, E.N. (1905) *Kak lyudi na belom svete zhivut. Chekhi. Polyaki. Rusiny* [How People of Different Nations Live. Czechs. Poles. Rusins]. 3rd ed. St. Petersburg: skl. izd. u avtora.

12. Vodovozova, E.N. (1914) *Kak lyudi na belom svete zhivut. Chekhi. Polyaki. Rusiny* [How People of Different Nations Live. Czechs. Poles. Rusins]. St. Petersburg: A. Goldberg.

13. Vodovozova, E.N. (1911) *Na zare zhizni. Zhizn' v provintsial'noy glushi. Institut do i posle reformy. Sredi molodezhi 60-kh godov. Vospominaniya* [At the Dawn of Life. Life in the Provincial Wilderness. Institute Before and After the Reform. Among the Youth of the 1860s. Memories]. St. Petersburg: 1st St. Petersburg Labour Cooperative.

14. Vodovozova, E.N. (1987) *Na zare zhizni: v 2 t.* [At the Dawn of Life: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

15. Vodovozova, E.N. (2018) *Na zare zhizni: v 2 t.* [At the Dawn of Life: in 2 vols]. Moscow: Terra; Knizhnyy klub "Knigovek".

16. Vodovozova, E.N. (2008) *Na zare zhizni. Ch. 2* [At the Dawn of Life. Part 2]. In: Bokova, V.M. & Sakharova, L.G. (eds) *Institutki. Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Institute girls. Memoirs of the Student of Institutes of Noble Young Ladies]. 4th ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 215–388.

17. Vodovozova, E.N. (2021) *Dnevnik smolyanki. Vospominaniya ob institute blagorodnykh devits* [Diaries of a Graduate from Smolny School. Memories of the Institute for Noble Young Ladies]. Moscow: Rodina.

18. Vodovozova, E.N. (2017) *Dnevnik smolyanki. Vospominaniya ob institut-skikh nrvakh* [Diaries of a Graduate from Smolny School. Memories of Institute Customs]. Moscow: Algoritm.

19. Vodovozova-Semevskaya, E.N. (1923) *Zhiteyskie nevezgody* [Everyday adversity]. *Golos minuvshogo*. 1. pp. 45–72.

20. Vodovozova, E.N. (1918) *Grezy i deystvitel'nost'* [Dreams and Reality]. Moscow: Zadruga.

21. Vodovozova, E.N. (2010) *Tsarstvo svobodnogo rebenka. Izbrannye stat'i, prakticheskie sovery, igry i zanyatiya* [The Kingdom of the Free Child. Selected Articles, Practical Tips, Games and Activities]. Moscow: Karapuz.

22. Golitsyn, N.N. (1889) *Bibliograficheskiy slovar' russkikh pisatel'nits* [A Dictionary of Russian Women Writers]. St. Petersburg: V.S. Balashev. pp. 51–52.

23. Brockhaus, F. & Efron, I. (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. T. 6a. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 762.

24. Gambarov, Yu.S. Zheleznov, V.Ya., Kovalevsky, M.M., Muromtsev, S.A. & Timiryazev, K.A. (eds) (1910) *Entsiklopedicheskiy slovar' t-va "Br. A. i I. Granat i K"* [An Encyclopedic Dictionary Br. A. i I. Granat i K]. 9th ed. Vol. 10. Moscow: Br. A. i I. Granat i K. pp. 527–528.

25. Ts-skaya, E. (1863) Chto meshaet zhenshchine byt' samostoyatel'noy? (po povodu romana g. Chernyshevskogo "Chto delat'") ["What Stops a Woman from Becoming Independent?" A response to Nikolay Chernyshevsky's novel "What Is To Be Done?"]. *Biblioteka Dlya Chteniya. Zhurnal Slovesnosti, Nauki i Politiki*. 1863. Sentyabr'. pp. 1–19.

26. Martynov, G.G. (ed.) (2013) *Instituty blagorodnykh devits v memuarakh vospitannits* [Institutes of noble young ladies in the memoirs of their students]. Moscow: Lomonosov'.

27. Kareev, N.I. (1923) Pamyati ushedshikh. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823 gg.) [In memory of the deceased. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823)]. *Golos minuvshogo*. 2. pp. 180–183.

28. Myrkina, T. (n.d.) Vodovozova Elizaveta Nikolaevna. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' "Literatory Sankt-Peterburga. XX vek"* [Encyclopedic Dictionary "Writers of St. Petersburg. The 20th Century"]. [Online] Available from: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/v/ vodovozova-> (Accessed: 15th July 2022).

29. Olnem-Tsekhovskaya, V. (1923) E.N. Vodovozova-Semevskaya. *Golos minuvshogo*. 3. pp. 145–162

30. Anon. (1923) Pamyati ushedshikh. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823 gg.) [In memory of the deceased. Elizaveta Nikolaevna Vodovozova-Semevskaya (1844–1823)]. *Golos minuvshogo*. 2. pp. 177–180.

31. Podolskaya, I.I. (1989) Vodovozova Elizaveta Nikoloevna. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Great Russian Encyclopedia. pp. 455–456.

32. Pomelov, V.B. (2016) Pervaya zhenshchina-metodist nachal'nogo obrazovaniya [The first woman-methodologist of primary education]. *Nachal'naya shkola*. 6. pp. 71–76.

33. Rybakov, V. (1971) Iz pedagogicheskogo naslediya E.N. Vodovozovoy: nauchit' detey lyubit' [From E.N. Vodovozova's pedagogical heritage: Teaching Children to Love]. *Sem'ya i shkola*. 10. pp. 26–28.

34. Simonova, T.R. (2010) Idei E.N. Vodovozovoy v sovremennom vospitatel'nom protsesse [E.N. Vodovozova's ideas in the modern educational process]. *Nachal'naya shkola plyus do i posle*. 6. pp. 52–54.

35. The Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University. (1905) *Ustav i spisok chlenov Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [Charter and list of members of the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University]. Moscow: Kushnerev i K°.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru